

ШАГИРОВ А. К., ДЗИДЗАРЯ О. П.

**К ПРОБЛЕМЕ ИНДОАРИЙСКИХ (ПРАИНДИЙСКИХ)
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ
ЯЗЫКАХ**

В 1902 г. известный славист-филолог проф. А. Погодин опубликовал статью под названием «К вопросу о влиянии индо-европейских языков на кавказские». Касаясь материала одного из кавказских языков, аварского, автор статьи отмечал: «...не всегда иранские языки оказываются достаточными для объяснения различных арийских элементов... Иногда приходится прибегать к помощи и санскритского словаря. Во избежание каких-либо недоразумений спешу оговориться, что, приведя санскритские слова, я, конечно, не думаю о непосредственных санскрито-кавказских отношениях. Скорее, думается мне, приходится предположить, что в Южной России и около Каспийского моря еще удерживались некоторые арийские горы, переходные от индийских к иранским» [1].

А. Погодин выделяет по словарю Услара [2] пятнадцать аварских слов, которые, по его мнению, могут иметь индоарийское или индоевропейское происхождение. Автор предлагает девять аварско-древнеарийских сопоставлений: авар. *гъанса* «горная индейка» — др.-инд. *haṅsa* «гусь, лебедь», авар. *цЛоко* «козлиная кожа» — санскр. *chāga* «козел», *chāgā* «коза», авар. *йез* — санскр. *ayas* «медь», авар. *рос* «муж» — санскр. *ṛṣabha* «бык, самец», авар. *моцццI* — санскр. *mās* «месяц, луна», авар. *нус* — санскр. *snūṣā* «невестка», авар. *ца* — санскр. *danta* «зуб», авар. *бугъа* «бык» — санскр. *bukka* «козел», авар. *цццIука* «свинья» — санскр. *sūkara-* «боров».

Часть сближений А. Погодина (третье, пятое, седьмое и восьмое), как кажется, должна быть отклонена.

Авар. *йез* «желтая медь, бронза», несомненно, заимствовано из тюркских языков и отражает йотовый вариант тюркского слова, ср. башк., ногайск., кумык. *ез*, чуваш. *йес* «желтая медь, латунь, бронза» при карач.-балк. *джез*, уйг. *джес* и др. Из тюркских языков лексема проникла и в другие северокавказские языки: чеч. *ез*, ингушск. *гез*, дарг. *йаз*, андийск., бежтинск., цахурск. *йез*, абх. *а-джъаз*, абаз. *джъаз*, убых. *джъаз*, адыгейск. *джэрз*, каб. *жэз* «латунь, желтая медь». В самих тюркских языках название желтой меди (латуни, бронзы) одни исследователи признают возможным заимствованием¹, другие пытаются разъяснить на алтайской почве как производное (корень + аффикс) слово [3].

Из тюркских языков идет и авар. *бугъа* «бык, бугай», ср. тюрк. (азерб., к.-калп., гагауз., карач.-балк. *буга* «то же») ². К тюркскому источнику восходит также адыгейск.-убых. *бигъуы* «бык-производитель, бугай».

Авар. *моцццI* на правах исконного наследия не отделяют от андийск. *борцццIи*, лакск. *барз*, арчинск. *бацц*, дарг. *бадз*, лезг. *вардз*, табас. *вадз*, агул., рутул., цахурск. *ваз*, чеч. *бутт* (ср. также абх. *а-мза*, убых. *мыдзэ*, адыгск. *мазэ* «луна, месяц») [5, с. 82—83]. На почве северокавказских языков в лексеме как будто бы допустимо видеть префиксальный словообразовательный элемент [6, А-Н, с. 258—259].

Аварскому слову, обозначающему «зуб» (*ца*), закономерно отвечают андийск. *сол*, дарг. *цума*, табас. *селев*, агул. *силев*, рутул. *сылаб*, цахурск.

¹ См.: Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ж», «җ», «й» (машинопись, словарная статья *йез*). Том находится в производстве в изд-ве «Наука».

² Об этимологии тюркского (алтайского) слова см. в статье К. А. Новиковой [4].

силы, арчинск. *сот*, чеч. *цѣрг* [5, с. 85]. В дагестанских и нахских языках не исключается связь между названием зуба и числительным «один» (авар. *цо*, андийск. *се-*, удин., рутул., цахурск. *са*, лезг., агул., табас. *са-*, арчинск. *ос*) [6, А-Н, с. 210]. Таким образом, и в этом случае нет необходимости обращаться к гипотезе о заимствовании.

Другие сопоставления А. Погодина представляются нам более или менее правдоподобными. В случае авар. *цІоко* «козья шкура» — санскр. *śhāga* «козел», *śhāgā* «коза» для семантики ср. лакск. *цІуку* «коза».

Отдельные индоевропеизмы в лексике северокавказских языков отмечал и сам П. К. Услар. В частности, абхазское слово *ейхъа* (< *айхъа*) «железо» он рассматривал как индоевропейское заимствование [7]. Должно быть, имеется в виду санскр. *áyah* «медь, бронза, железо».

С гипотезой А. Погодина перекликаются высказывания О. Н. Трубачева [8, 9]. В статье «О синдах и их языке» О. Н. Трубачев пишет следующее: «...нахождение индоарийцев (праиндийцев) в какой-то момент к северу от Черного моря принимается всеми, в то же время во всем индоевропейском языкознании нет положения более абстрактного, чем это. Одно из проявлений схематизма существующих воззрений на этот счет мы видим в том, что постулируемое разделение индоиранцев на индоарийскую (праиндийскую) и иранскую ветви где-то к северу от Черного моря явно или неявно мыслится как сопровождавшееся полным уходом всех индоарийцев „до последнего человека“ на юго-восток. Так вряд ли было в действительности. В действительности уже а priori следовало допускать сохранение остатков праиндийцев в отдельных районах Северного Причерноморья или даже на положении слоев, компонентов явно неоднородного скифского общества и соответственно — языка» [8, с. 41]. Ср. также во второй статье: «Поскольку вероятность кавказского пути миграции индоарийцев из Юго-Восточной Европы в Азию была заявлена и обоснована археологически достаточно веско в последние годы..., примат знакомства с Кавказом постулируется именно для индоарийцев (праиндийцев), а не для иранцев и тем более — не для „неразделенных“ индоиранцев, древняя этнолингвистическая чересполосица (диалектная сложность, разделение) которых вероятна уже для Северного Причерноморья» [9, с. 101—102]. Опираясь на археологическую литературу, О. Н. Трубачев отмечает, что «появление в равнинном Дагестане носителей культуры шнуровой керамики индоевропейского типа с катакомбным обрядом погребений и признаками применения колесных повозок в результате распространения со стороны Юго-Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. трудно связывать с более поздней волной ираноязычных племен, документированных в Передней Азии не ранее начала I тысячелетия до н. э.» [9, с. 101].

В связи с рассматриваемой проблемой следует упомянуть работу зарубежного адыговеда Ш. Муфти [10], по мнению которого кавказские языки не связаны между собой генетическим родством. Ш. Муфти полагает, что синды, относившиеся, как он считает, к первым индоарийским переселенцам, которые проникли далеко в Азию, являются древними предками адыгов. Мы, разумеется, не можем согласиться с теорией индоарийского происхождения адыгов, но некоторые из многочисленных древнеиндийско-адыгских лексических сопоставлений автора представляют интерес с точки зрения возможных индоарийских (праиндийских) заимствований в северокавказских языках. К ним можно отнести: др.-инд. *aja* «козел» — адыгейск. *ачъэ*, каб. *ажэ* «козел-производитель», др.-инд. *vasnā-h* «покупная цена» — адыгейск. *уасэ* «цена», др.-инд. *kilā* «клип» — адыгейск. *къалы* «то же», др.-инд. *sahas* «большой, победоносный» — адыгейск. *шъэджашъ(э)* < *шъэгъашъ(э)* «огромный, громадный», др.-инд. *tarāh* «жара» — адыгейск. *тэп* «уголь (горящий)», др.-инд. *snusā* «сноха» — адыгейск. *нысэ* «то же» [10, с. 31—34].

Адыгск. *ачъэ/ажэ* с древнеиндийским (санскритским) *aja* до Ш. Муфти сопоставил Ж. Дюмезиль [11, р. 17]. По мнению Г. А. Климова (устное сообщение), сюда же относится *дзы* (бзыб. *дзъы*), *дза* (бзыб. *дзъа*), вычленяемое в абхазском из *а-дзыс* (*а-дзъышъ*) «козленок», *а-дзар* (*а-дзъар*)

«козлята»; последние включают уменьшительный суф. *-с(-шъ)* и суф. со значением собирательного множества *-р(а)*. С адыгск. *уасэ* «цена» одного происхождения абх.-абаз. *а-уаса/уаса* «овца». Для абхазо-адыгского слова кажется более правильным ориентироваться на и.-е. **уос-ā* (**уос-пā*) «цена, стоимость» [6, II-I, с. 88—89]. Фонетически *уасэ/уаса* ближе всего к др.-инд. *vasnā-ḥ* «покупная цена». На абхазо-адыгской почве могло произойти выпадение *-п-* (*-н-*) в комплексе *-sn-* (*-сн-*).

Адыгск. *нысэ* «невестка, сноха» неотделимо от чеч., ингушск., бацб., авар. *нус*, арчинск. *нус-ḍ-ур* «то же». Созвучие лексемы с индоевропейским названием снохи (ср. др.-инд. *snusā*, греч. *nuos*, лат. *nurus*, арм. *ни* и т. д.) В. И. Абаев склонен считать неслучайным. По его мнению, оно основано скорее на древних кавказско-индоевропейских связях [12, II]. Можно предположить, что для кавказских языков источником послужило др.-инд. *snusā*. Здесь вполне допустимо выпадение *s-* в комплексе *sn-* (ср. случай с предыдущим словом); интересно, что в двух лексемах комплекс преодолен по-разному.

В адыгских языках имеем слово *уэшъ/уэшы* «топор-колун», от которого трудно отделить абх. *гуышу* в *аигуышу* «топор с носиком» [13], абаз. *гуашу* «топорик для рубки и очистки хвоста» [14], убых. *гъсуэ* «топор» [6, II-I, с. 94]. К. Боуда считает лексему (в убыхском и адыгейском) заимствованием из осет. *уэс* «топор» [15]. Б. Х. Балкаров устанавливает между адыгским словом и осетинским обратную зависимость [16]. Осетинское (дигорское) устаревшее *уэс* сопоставляют с санскр. (вед.) *vāsi-* «топор» (устное сообщение В. И. Абаева). Вероятно, абхазо-адыгское слово допустимо увязать с санскр. *vāsi-* независимо от осет. *уэс*.

Адыгейск. *санэ* «вино»³ возводят к скиф. **sana*, осет. *сән/сәнэ*, «то же». Последние на индоевропейской почве связывают с др.-инд. *śana-* «конопля». [12, III]. На наш взгляд, для адыгск. *санэ* необязательно предполагать скифско-осетинский источник. Адыги могли заимствовать лексему из древнеиндийского. Если бы *санэ* было усвоено из осетинского, то в адыгском слове, вероятно, имели бы не *с*, ср. адыгск. *шъоджэн/шэуджэн* «священник» — из осет. *сауджын/саугин* (от *сау* «черный») «то же», каб. *тажъджэ* // *тажъгъэ* «сапед, большой плетеный кузов, который устанавливается на арбе при перевозке, например, кукурузы, картофеля» — из осет. (диг.) *тæскIæ* (в иронском *тæскI*) «корзина, большая корзина».

В случае адыгск. *бысым* «хозяин дома по отношению к временно оставившемуся у него постороннему человеку (постояльцу)» — осет. *фысым/фусун* «хозяин по отношению к гостю; лицо, оказывающее гостеприимство, принимающее гостя» осетинскому *с* в адыгских языках соответствует тоже *с*. В абхазском и абазинском имеем *а-пиума/пиума* «хозяин дома». Осетинское слово неотделимо от авест. *fšūmant-* «владелец скота» и др.-инд. *raśumat-* «богатый скотом». Не исключено, что абхазо-адыгская лексема обязана своим происхождением не осетинскому *фысым/фусун* [17, 18; 6, А-Н, с. 104; 12, II], а древнеиндийскому источнику (с *р* в анлауте).

Название серебра для северокавказских языков является общим: адыгск. *дыжъын/тыжъыны*, абх. *а-радзы*, *а-разны*, абаз. *рызна*, убых. *дэсуэны*, авар. *Гарац*, дарг. *арц*, лакск. *арцу*, табас., агул. *арс*, арч., годоб., ботл. *арси*, чеч. *дети*. Исследователи сравнивают кавказское слово с индоевропейскими названиями серебра (арм. *arcat'*, лат. *argentum*, др.-инд. *rajatam*, авест. *ərəzātəm* и др.), которые на индоевропейской почве этимологизируются как «блестящее» [19—21]. Р. Лафон склонен констатировать для кавказских языков заимствование, не исключая в то же время возможности разъяснения кавказских названий на исконном материале [21, с. 95]. Такая осторожность, однако, едва ли уместна [22, 23].

Северокавказские формы как будто бы ближе к авест. *ərəzātəm*, но с учетом др.-инд. *árjunah* «светлый, белый» (на эту форму наше внимание обратил Г. А. Климов) при *rajatam* [24] можно допустить и тут древнеиндийский источник. Если признать иноязычное происхождение рассматри-

³ В кабардинском *санэ* известно из фольклора как название какого-то хмельного напитка.

ваемого слова, то, разумеется, начальные слоги каб.-адыгейск. *дыжьыны/тыжьыны* и абх. *а-радзы* (*а-разны*) нельзя будет выделять в качестве омертвелоного классного показателя [25]. Принимаемая во внимание звуко-соответствие адыгск. *д* ~ абх.-абаз. *р* [26], здесь можно говорить о другом: о материальном единстве *ды-/ты-* и *ра-*.

Ряд индоиранско-северокавказских лексических сопоставлений находим у венгерского ираниста Я. Харматта. По его мнению, удин. *еък* «лошадь» может восходить к индоиранскому **ekwa-*, адыгск. *шы*, абх. *а-чъы*, лакск. *чу* «лошадь» — к протоиранскому или протоиндийскому **eśva-*, **eśva-* (> **aśva-*), лезг. *гъаб* «горсть» — к протоиранскому или протоиндийскому **gabha-* (ср. др.-инд. *gabhasti-*), бацб. *гъачI-* «смотреть» — к протоиндийскому или протоиранскому **kaś-* «то же», чеч.-ингушск. *мар* «муж» — к протоиранскому или протоиндийскому **marya-* («смертный, муж, человек») [27].

Дагестанское название бороды, **мъжвр/мъчIвр*, Вяч. Вс. Иванов связывает с др.-инд. *śmaśru* «борода» [28].

Нам не кажется чем-то неприемлемым даваемое Ж. Дюмезилем сближение убыхского названия овцы, *бий*, с санскр. *āvi* «то же» [11, с. 17]. Можно предложить еще одно сопоставление такого же характера. В значении «рыболовная сеть» в абхазском и абазинском используется лексема *а-кIама/кIама*. На абхазско-абазинской почве она никак не разъясняется. Возможно, слово восходит к др.-инд. *kaṭa* (< **karta*) «плетенка» [29].

К индоарийскому источнику возводится, судя по всему, и название *Кавказ* [ср. 9, с. 106, 107]. Хотя в самих кавказских языках, в том числе северокавказских, это название не было известно, его индоарийское происхождение может служить подтверждением близкого знакомства индоарийцев (праиндийцев) с Кавказом.

Как можно видеть из сказанного выше, северокавказские слова, связываемые с индоарийскими отношением заимствования, отличаются известным семантическим разнообразием, но являются в основном принадлежностью культурной лексики. Это прежде всего лексемы из области животного мира («горная индейка», «козел», «козел-производитель», «свинья», «лошадь», «овца»). Далее обращают на себя внимание названия орудий и предметов труда («топор», «рыболовная сеть», «железо»). Значительный интерес представляют название вина и лексема со значением цены, стоимости, возводимые к индоарийскому источнику.

Проблему индоарийских лексических заимствований в кавказских языках не следует считать надуманной. Едва ли можно сомневаться, что дальнейшие углубленные научные поиски определенным образом пополнят список возможных индоарийских элементов в лексике кавказских языков.

Свою небольшую статью мы хотели бы закончить словами одного отечественного автора последней четверти XIX в.: «Филологи имеют на Кавказе живой институт языков, не одних только восточных или южных, но и всяких других. В этой области Кавказ может повести к открытиям широкой научной будущности, которые нельзя достаточно оценить. Здесь можно еще откопать такие наречия, которые составляют первобытные ступени развития когда-то общего всем народам Европы арийского языка» [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 34, отд. IV. Тифлис, 1902, с. 52—53.
2. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языковедение. III. Аварский язык. Тифлис, 1889, с. 107, 159, 176, 208 и др.
3. Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках. — В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979, с. 28—29.
4. Новикова К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков, с. 122—123.
5. Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1930, Bd. 37, H. 1—2.
6. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н, П-И. М., 1977.

7. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языковедение. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 132.
- 8.^v Трубачев О. Н. О синдах и их языке.— ВЯ, 1976, № 4.
9. Трубачев О. Н. Indoarica. Этимологии.— Этимология. 1981. М., 1983.
10. Mufti Sh. (*Habžoqa*). Die Sprachwissenschaft des Tscherkessischen. Einleitung und Lautlehre. Heidelberg, 1978.
11. Dumézil G. Caucasiqne du Nord-Ouest et parlers scythiques.— Istituto orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica, 1963, V, dicembre 1963.
12. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.— Л., 1958, с. 502; Т. II. Л., 1973, с. 190; Т. III. Л., 1979, с. 67—68.
13. Марр Н. Абхазско-русский словарь. Л., 1926, с. 11.
14. Абазинско-русский словарь. Под ред. Тугова В. Б. М., 1967, с. 133.
- 15.† Bouida Ch. Etymologies oubuykh.— JA, 1960, t. CCXLVIII, fasc. 2, p. 201.
16. Балкаров Б. X. Адыгские элементы в осетинском языке. Пальчик, 1965, с. 58.
17. Deeters G.— Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig, 1935, № 8—9, S. 540.— Rec.: Dumézil G. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord.
18. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.— Л., 1949, с. 74, 88, 345, 337.
19. Klaproth J. Asia polyglotta. Paris, 1831, S. 105.
20. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Пер. с нем. СПб., 1886, с. 266—267.
21. Lafon R. Le nom de «l'argent» dans les langues caucasiennes.— Revue Hittite et Asiatique, 1933, II, fasc. 10—11, janvier et avril.
22. Иванов Вяч. Вс. Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языковедении).— В кн.: Вопросы статистики речи (материалы совещания). Л., 1958, с. 66.†
23. Kuipers A. H. Proto-Circassian phonology: an essay in reconstruction.— Studia Caucasiaca. 1. The Hague, 1963, p. 59.
24. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. 2. Lf. Heidelberg, 1954, S. 50.
25. Рогова Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, с. 2.
26. Шагиров А. К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982, с. 42, 43.
27. Harmatta J. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd Millennium B. C. (Linguistic Evidence).— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, с. 79—80.
28. Иванов Вяч. Вс. Прус. Bardoayts, bordus и проблема названий 'бороды' в индоевропейском.— Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов второй балто-славянской конференции. М., 1983, с. 22.
29. Дзидвария О. П. Морская лексика в абхазском языке: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1983, с. 96—98.
30. Марков Евг. Общий очерк Кавказа в его прошлом и настоящем. Живописная Россия. Т. 9. Кавказ. СПб.— М., 1883, с. XIV.